

18+

Автор идеи, составитель

Алексей Болотников

ТЕСИНСКАЯ ПАСТОРАЛЬ

№2

Алексей Болотников
Тесинская пастораль. №2

«Издательские решения»

Болотников А.

Тесинская пастораль. №2 / А. Болотников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516672-2

С идеей сбережения самобытного и национального в своей культуре, с любовью и нежностью к Отечеству, с гордостью за принадлежность к великой русской литературе издается сельский альманах. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-516672-2

© Болотников А.
© Издательские решения

Содержание

От издателя	9
Наиболее важные события 2006 года	10
Проза моего села	13
Антон Филатов. Главы из романа «БОМЖ, или хроника падения Шкалика Шкарatina»	14
Глава II. Легенда вторая. Вся чудовищность образования	15
Глава VI. Вся чудовищность образования	21
Глава X. Студенческая	24
Глава XI. Оплеухи	29
Глава XII. На исходе бабьего лета	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Тесинская пастораль

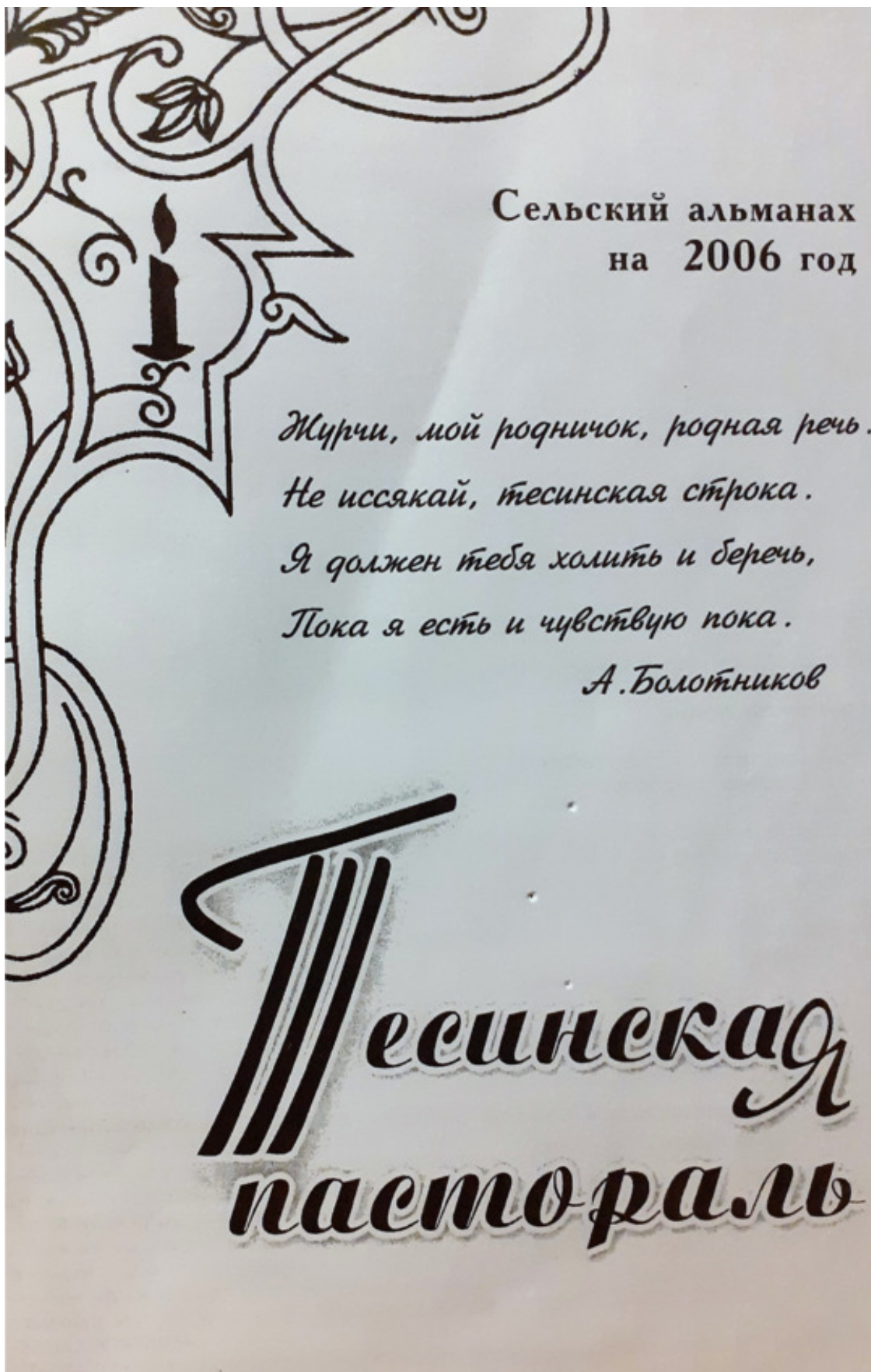
№2

Составитель Алексей Болотников

ISBN 978-5-0051-6672-2 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-3918-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сельский альманах
на 2006 год

*Журчи, мой родничок, родная речь.
Не иссякай, тесинская строка.
Я должен тебя холить и беречь,
Пока я есть и чувствую пока.*

А. Болотников

**Тесинская
пастораль**

за помощь в издании альманаха:

Бакайкину Татьяну Геннадьевну
Газину Людмилу Михайловну
Головину Галину Евгеньевну
Егорову Анастасию Владимировну
Злобина Михаила Васильевича
Зыкову Татьяну
Иншакову Любовь Ивановну
Резникова Сергея Николаевича
Савина Леонида Георгиевича
Семёнова Александра Николаевича
Прохорова Анатолия Ивановича
Шабалину Зинаиду Ивановну

Учредители:

Клуб патриотов села «Тесинская пастораль»
Редколлегия альманаха

Редакционная коллегия:

Алексей Болотников – главный редактор
Людмила Соборова – секретарь

Члены редколлегии:

Виталий Беспрозванный
Валентина Болотникова
Галина Ксензик
Николай Корепанов
Любовь Исакова
Сергей Полищук

Первое издание: Алексей Болотников

Б 32 **Тесинская пастораль**. Сельский альманах. – Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2007. – 98 с.

ББК 84 (2 Рос. – Хак) —5

© А. Болотников, составитель, 2006

Фото Сергея Полищука

От издателя

Дорогой односельчанин! У тебя в руках второй номер журнала «Тесинская пастораль». Сельский альманах на 2006 год. Здесь ты найдёшь строки по своему вкусу, будь то стихи, проза, краеведение, нравственная публицистика или историческая хроника. Мы не забыли включить в этот номер иллюстрации, рисунки местных художников, фотографии... Возможно, обнаружишь здесь знакомую фамилию, найдешь среди череды тесинских лиц (на снимков прошлых лет или современных) родные черты. По-новому увидишь историю родного села, подчас трогательную до боли, пробуждающую внезапную гордость или сочувствие.

Готовя к выпуску второй номер, редколлегия альманаха открыла новых авторов, темы публикаций, а главное, твою заинтересованность нашим изданием. Смеем надеяться: альманах – наше общее дело. Он способен побудить в нас лучшие сокровенные чувства, имеющие созидательную нравственную силу. Альманах – не для равнодушных! Не для иванов, не помнящих родства. Но для истинных патриотов своей малой родины.

Мы намерены продолжать разыскания по утраченной для общественного внимания истории, сохранять во имя будущего хронику сегодняшнего дня и – тем самым – созидать нашу общую оптимистическую будущность. Присоединяйся!

Тебе найдется место и дело. Ты способен – мы не сомневаемся! – реализовать свой накопившийся творческий потенциал. Не таи его, подобно скупому рыцарю! Тем более, что уже приобрёл свой входной билет – этот номер «Тесинской пасторали». Ты не просто можешь, но должен рассказать историю своего рода или собственной жизни. Поделиться мнением, высказать свою позицию... Иначе просто совесть загрызет!

Ну а пока просто погрузись в нижеследующие тексты. Не будем тебе мешать.

Наиболее важные события 2006 года

ОАО «Искра Ленина» а) отчиталось по итогам сельхозработ года: урожайность зерновых составила 12 ц. с га; дойное стадо 976 голов, надой на одну корову – 3500 кг; количество работающих – 280 чел.; б) получило долгосрочный кредит Россельхозбанка на развитие животноводческого комплекса в сумме 7 тыс. руб. Таким образом, для хозяйства (и для села) началась реализация принципа национального проекта «Развитие АПК». Часть кредитованных средств было освоено уже в этом году: заменена автоматическая линия доения коров на двух базах (из четырёх). Новая автоматика работает в щадящем режиме для коров, уменьшающем риск возникновения мастита (датчик автоматически отключает аппарат, когда у коровы заканчивается молоко).

Воспользовались возможностью льготного кредитования и предприниматели Теси. Генеральный директор **ООО «Агат-1» Сергей Николаевич Резников** получил кредит на развитие в сумме 300 тыс. руб. (приобретение сельхозтехники, инвентаря, молодняка КРС).

Четыре национальных проекта («Образование», «Здравоохранение», «Доступное жильё», «Развитие АПК») в различной степени касаются тесинцев и вселяют надежду на улучшение условий жизни сельского населения. По нацпроекту «Образование» Тесинская СОШ получила новый автобус для подвоза детей из с. М-Иня и ОЛК.

В марте в селе появилась сотовая связь, оборудование поставила и смонтировала компания «Енисей—Телеком».

Летом (июль) Минусинским музеем им. Н. М. Мартьянова были организованы археологические раскопки древнего кургана (могильника эпохи поздней бронзы, это около 3 тыс. лет назад) Тесь-IX, расположенного у подножья г. Егорьевской в 3,5 км от с. Тесь. Экспедиция была организована при поддержке Германского археологического института (г. Берлин) и коммерческих организаций г. Минусинска. В проекте активное участие принимал **Центр социальной реабилитации несовершеннолетних** г. Минусинска «**Лучик**». Район с. Тесь был выбран не случайно, впервые археологические раскопки там были проведены в 1885 г. С тех пор ученые периодически обращают внимание на археологические памятники этого региона. Здесь работали такие видные ученые, как С. В. Киселев, Э. Б. Вадецкая. Огромное могильное поле с древними курганами различных эпох и этносов хранит массу важнейшей информации о жизни и смерти людей, когда-то живших на этой территории.

До сих пор на правом берегу р. Тубы проводятся исследования на известнейшей Шолоболинской писанице (А. Заика).

В рамках национального проекта «Образование» учитель МОУ «Тесинская средняя школа» №10 **Татьяна Ивановна Егорова** выиграла президентский гранд в сумме 100 тыс. руб.

Серьезные перемены в рамках национального проекта «Здравоохранение» произошли и в **Тесинской врачебной амбулатории**. Ряд категорий медперсонала получил возможность повышения квалификации, некоторые категории сельских жителей прошли полную диспансеризацию. В 2006 году велись проектно-сметные работы, в результате которых ожидаются строительные работы и введение в действие пустующих площадей здания для стационарного лечения больных. Медработники тесинской амбулатории (врачи широкой практики и медсестры) получили надбавку к зарплате.

Бывшая АСК (акционерная строительная компания) «Тесь» преобразована в **КГУ ЦСО «Тесь» (Краевое государственное учреждение «Центр социального обслуживания»)**. Произошедшая реформа изменила форму собственности предприятия и, соответственно, форму управления.

Приведём здесь краткую хронику строительства оздоровительно-лечебного комплекса. Финансировал проект ОЛК Норильский ГМК. Проектировали югославские специалисты. Контроль осуществлял институт «Норильск—проект».

1. Начало строительства – апрель 1992 г. Строили югославы, по контракту (50 чел.)

2. Продолжила работы турецкая фирма «Менсель» – в сентябре 1993 г. Контракт был заключён на строительство в более короткие сроки.

3. Создан агропромышленный комплекс (АСК) «Тесь» – 1994 г.

4. Первые дети поселились в ОЛК «Солнечный-2» – 1 июня 1995 г. К этому времени было построено 10 корпусов и временная столовая.

5. Через год введены в эксплуатацию все остальные объекты, кроме спортзала, плавательного бассейна и культурного центра – 1996 г.

6. Открыто финансирование на остальные объекты: спортзал, кадетская школа – 1999 г.

7. Открыт Норильский кадетский корпус – 1999 г. Финансирование этого специального учебного заведения стало возможным за счёт софинансирования краевым бюджетом и Норильским ГМК на паритетных основаниях. Документы подписали губернатор Красноярского края Александр Лебедь и председатель совета директоров Норильского ГМК Д. Т. Хагажеев.

8. Начато строительство культурного центра – 2000 г. Введен в эксплуатацию 11.12.2001 г. в присутствии губернатора края А. Лебеда и губернатора Таймыра Александра Хлопонина.

9. Открыто финансирование на достройку плавательного бассейна – 2006 г.

На участке ЖКХ (жилищно-коммунального хозяйства) «**Энергоресурс**» (Козволин Г. П.) произошли структурные изменения, продиктованные начатым Правительством РФ реформированием отрасли. Изменена форма собственности организации.

В **картинной галерее** состоялись передвижные персональные выставки: «Путь к свету» М. Усенко (г. Хабаровск); «Знаки беспредельности» С. Люшиной (Халарамбус, о. Кипр).

Состоялась презентация сельского альманаха на 2005 год «Тесинская пастораль».

В сельской библиотеке на 1045 читателей выдано 31423 книг.

20 июня вышел в свет первый номер журнала «**Тесинская пастораль**», сельский альманах на 2005 год, составленный произведениями преимущественно тесинских авторов. Журнал содержит стихи и прозу, краеведческие обзоры и статьи, рисунки, фотографии, библиографические сведения, объединённые интересом и обожанием к своему родному селу. На страницах альманаха 49 авторов (от дебютанта до профессора филологии) опубликовали более ста своих произведений.

Журнал получил признание общественности села, был раскуплен. Несколько экземпляров получили библиотеки села и школы, музей, детский дом, Норильский кадетский корпус.

Сегодня вы держите в руках второй номер журнала «Тесинская пастораль», сельский альманах на 2006 год.

7—16 октября в Теси гостила американка из штата Алабама **Сандра Робертсон**, преподаватель английского языка колледжа.

Десятидневный визит американской гостьи стал возможен благодаря международному сотрудничеству школьных преподавателей под девизом «Учителя – учителям». В 2005 году этой же возможностью воспользовалась преподаватель физики Тесинской СОШ **Татьяна Ивановна Егорова**, гостившая в США, штате Алабама.

Прилетев в Красноярск и проведя там свой первый день в России, Сандра выехала в с. Тесь. Все последующие дни для тесинской гостьи оказались насыщены встречами, впечатлениями. С Татьяной Ивановной Егоровой, выполнявшей роль гида и... водителя, с переводчиком **Татьяной Борисовной Гарасюта** Сандра побывала в школах района (Новотроицкое, Малая Минуса, Селиваниха, Тесь), в педагогическом колледже (Минусинск), детском доме (с. Тесь).

Откровением для Сандры стали посещения краеведческого музея в Минусинске, музея-заповедника в Шушенском, Саяно-Шушенской ГЭС, женского монастыря в с. Кочергино, Норильского кадетского корпуса в с. Тесь. Сандра много и охотно рассказывала о своей работе и сама живо интересовалась нашей системой образования и образом жизни сибиряков. Русский образ жизни лучше всего проявился для американки в моменты хлебосольных угощений в тесинских семьях Соборовых, Соболевых, Егоровых, Гарасюта, где было место русской бане, песне, разговору по душам.

16 октября Сандра уехала из Теси, оставив приятное о себе впечатление. Среди подарков на память о Теси был и номер альманаха «Тесинская пастораль» на 2005 год.

Одиннадцатиклассница Тесинской СОШ **Лена Маничкина** опубликовала в газете «Власть труда» (№ от 2006 г.) содержательное интервью с Сандрой Робертсон под заголовком «Минусинский район – глазами американки».

10 декабря состоялись юбилейные торжества по случаю 20-летия творческой деятельности коллектива тесинского хора ветеранов «Родимая сторона». В сельском Доме Культуры юбиляры дали свой концерт, а также получили многочисленные поздравления и душевные пожелания от благодарных зрителей, коллег по сцене и официальных лиц.

Об истории хора рассказывает на страницах альманаха наш автор **Любовь Исакова**.

В православном сельском приходе увеличилось количество прихожан. В течение всего года проводились церковные службы.

Периодически продолжалось строительство часовни на сельском кладбище. Над каменным остовом сооружения возвысилось луковичное завершение с православным крестом. В строительных работах приняли участие сельские жители Валерий Александрович Соборов, Геннадий Владимирович Игнатов, Ильдус Гилемьянович Андарьянов,

Проза моего села

**Антон Филатов. Главы из романа «БОМЖ,
или хроника падения Шкалика Шкарatina»**

(в сокращении)

Глава II. Легенда вторая. Вся чудовищность образования

Всякая человеческая голова подобна эслюдку: одна переваривает входящую в одну пищу, а другая от неё засоряется. Козьма Прутков

...Нина всплакнула в одиночестве, вспомнив о распутившемся чулке на коленке левой ноги. Горько задумалась. Кровать с вензелями, швабра в углу... Жутчайшая распря с комендантшей, двойки по всем профилирующим предметам. Девятимесячная беременность!.. Боже, да когда это кончится? И кончится ли?

Едва не загребли в КПЗ... до выяснения. То есть до утра. Хорошо, что лейтенантша, обыскивая её в камере, обнаружила неожиданно для себя не подозрительную рахитичность в шестнадцатилетнем подростке, а самую обыкновенную беременность юной особы. И тут же доложила капитану... Последний не преминул зафиксировать всевозможные сведения о клиентке в сорокаминутном протоколе... С сожалением отпустил... К ужасу Нины, не отпустил Верочку. В свёрточке, извлечённом лейтенантшей из интимного тайничка, оказалась жёлтая «водолазка», происхождением, со слов капитана. «маде ин не наша».

Слёзы заливали стекло на столе. Преодолев тихую истерику, Нина стала собирать вещи в сумку, с намерением уехать завтра в деревню. Будь – что будет! Хватит учиться. Вот тут-то *это* и началось. Внезапная спазматическая боль, тошнотворная слабость и темнота. И тоннель. Полёт в бесконечное ничто... Нина моментально всё поняла. Чуть отдышавшись от приступа, смоталась до 207-й, где у Лизы Баховой... всегда было. Разбудила Лизку, наврала в три короба и, трахнув её по балде книгой – для понятливости – взяла-таки «огнетушитель». О, это было всё!..

Повеселев с первого же стакана, Нина моталась по коридору, выискивая очевидцев, а то и просто людей, знающих «что и как». Общага была полупустой, полупьяной и – попросту безразличной. Торжество лучистого дня закончилось, соблюдая традицию, – пустотой бесприютной... Ох-хо-хо... Скучно-то как, девочки... Слышно было, как шелестел обрывок плёнки невыключенного магнитофона и лаялась комендантша внизу, на первом этаже, противостояла проникновению подвыпивших кавалеров. Кто-то неуверенно... вдоль стены... возвращался в комнату из туалета...

Нарывавшись с тоски и одиночества, допив «огнетушитель», Нина отключилась и затихла до утра, о котором мы уже упоминали в нашем повествовании. Извините, если что не так. Свидетелей не было, за исключением медиков из родильного отделения, оправданно опоздавших по причине сгоревшего стартера или «полетевшего» трамблёра и поменявшихся сменой следующим утром, каким бы трагичным или счастливым оно ни было...

Ну, слава те, господи!.. Всё обошлось. За почин и благополучное завершение! Ибо это и был самый гнусный зачин повествования, для которого не только слов не было, но и шкалика не хватало.

Ах ты, Шкалик Шкаратин! Шка-лик-шка-ра-тин... Правда, интересное наблюдение? В молодости Женька получил по своим заслугам это удачное – в стилистическом смысле – прозвание Шкалик. И отзывается на него по сей час. Продумав эту деталь, находим, что надо следовать за устойчивой логикой жизни и тоже перейти в контексте повествования от незаконнорождённой фамилии Шкаратин к породнённому прозвищу Шкалик.

Итак, Шкалик родился пьяным.

Пошлёпав его по ягодицам и не дождавшись адекватной реакции в форме младенческого крика, гинекологические специалисты из родильного отделения ЦРБ положили тельце обратно в, извините, медицинский таз и призадумались: «Везти молодую маму в реанимационную палату роддома? Везти – чревато стопроцентной гарантией стафилококкового сепсиса,

прочно осадившего роддом в разгар предварительной победы развитого социализма. Оставить здесь, в первобытнородильных условиях – чревато служебным преступлением. Чёрт бы драл этих молодых безродных проституток! Чёрт бы драл это социалистическое отечество!.. Ни условий родить, ни презервативов, ни зарплаты... Ни чёрта!» Пока они так размышляли и чертыхались, Шкалик внезапно затрепыхался в медицинском тазу и впервые издал свой негодующий вопль с тривиальным на всех языках планеты текстом: «Ма-ма!». Ах, Женька, друг мой лапчатый, горемыка несчастный, как он гордился впоследствии биографическим фактом: это был первый раз, когда он, Шкалик, выручал всю честную компанию. Всё решилось как нельзя хорошо! В тютельку! В золотую сердцевинку конфликта... Служебное преступление, не единственное в нашем криминогенном повествовании, не совершилось, само собой.

Нина внезапно перешла из состояния «девушка» в состояние «женщина с ребёнком», в односуточье стала мамой Ниной, героиней с незаконченной сюжетной биографией. У неё и у новорождённого сына впереди была целая жизнь, полная таинственных превращений и удивительных метаморфоз. Вам любопытно?.. Вам хочется песен, как говорят одесситы? Их есть у меня!

Любезные почитатели моего повествования! Как автор, преступивший тему, полную уродливых искажений действительности, абсурдов отвратительной реальности, со всеми её дырами, похмельными скандалами, ломкой, белой и даже родильной горячкой, глубоко понимаю ваши сомнения в отношении моей повествовательно-исповедальной линии. Понимаю, сочувствую вам, но не могу поступиться святой для меня, как для каждого честного автора, правдой вымысла.

В доверительной обстановке кстати вспомнить о Вирусе. О-о-о, это фантастическое Существо! Э, не Существо, а реальное аномальное явление. Да вы закусывайте, не торопитесь. Вас посещают видения? Мерещится всякая всячина? Может быть, чудится что-то необъяснимое? Это Вирус. Он давно открыт учёными, но не пойман и не опознан, как легендарный Снежный человек. Вы мне верите? Ныне, в доверительной компании, где милые незнакомые женщины приятно пахнут шотландским виски и божественными роллами и уже никто не помнит пошло сомнительного происхождения, отдававшее резиной и окрещённое в знающих кругах «калошей», – не пристало нести несусветную околесицу. В те застойные времена, вкушая легендарную «Пшеничную», зажёвывая её вонючий запах хвостом ржавой атлантической селёдки, мог ли я позволить себе трезво врать собутыльнику по... застольному периоду? Пусть отсохнет наливающая рука! Не толкайтесь под... неё. Вирус существует! Точнее, является нашему воображению по строго определённым правилам. Но как его объяснить?.. Если вы до... живались до белой горячки, вам, очевидно, не надо толковать о зелёных чёртиках и белых боженьках, сосуществующих с нами в параллельных мирах. Гвозди, изгибающиеся живьём, как черви, и тыквы, накатывающиеся на нас по ночам... И человекоподобные прихвостни, портящие нашу голубую кровь!.. Всё Вирус. Вы понимаете? За это стоит плеснуть...»

...Тёплые, талые апрельские деньки – благодать весенняя! Солнце блины печёт.

На проталинах осинская ребятня собирается: пришла охота играть в лапту. Ой, сыро-склизко ещё по земле елозить!.. А жуть хочется... На подсохшем пяточке лесной опушки, у южной кромки Ближнего Бора, где хороводятся теребиловские пацаны, особенно пригревает. Укрытый от ветра и от взрослого пригляда, укромный уголок бора манит каждого. Да не каждому дозволено! Чужие – ни-ни! Здесь царит иерархия детских взаимоотношений... Но вязко тянутся на проталины малые за большими и подчиняются неписаным правилам, и страдают, и постигают нелепую и загадочную взрослую жизнь. Здесь и «чика» на деньги, и возможность курнуть «Беломора», и услышать страшные и... эти... матершинные истории о жизни как таковой. Но самое притягательное всё же – лапта.

«Ты будешь... ты... ты... – выбирает старший. – И я... я...» напрашиваются мелкие. В завершение – в пылу делёжки, обид, горьких слёз и телячьей радости – команды сформированы, разбежались по полусухим лужайкам, заиграли... Крики, споры, боевой азарт – это уж как водится! Какая же игра без политики? Какая политика без оголтелого сепаратизма? Терембиловские соперничают против гробовозниковских. А которые посередке? А если с другого околотка? Всем жуть хочется! Вот те, бабушка, и лапта...

Романок, Ванечка Бушуев и Ленька Рыщак тут главные. Эти захватили власть над шпаной кромки Ближнего бора. Сами скорешились раньше, выручая друг друга в школе, на почве «дай списать». На полянке же и вовсе раздухарились.

– Поца, а пусть новенькие нам комаров отгоняют, а?

– Может, пусть по калачу тащут?

– А пусть лучше за мячиком бегают, – решает Романок, как незыблемый авторитет. – И комаров отгоняют. И лука по пучку соберут.

Новички подчиняются. Нет у них своей группировки. А в лапту играть – это райская забава.

...Позавчера Женька искупался. Не от жары кромешной спасался – по нужде в воду полез. Кому рассказать – не поверит. Как-то стихийно всё произошло... Дылды терембиловские втроём на одного напали: сопатку разбили, юшку пустили... А всё волейбол райскин! Райска – ой и молодец же няня! – привезла Женьке из Ангарска чудо-мяч – волейбол жёлтый, как пасхальное яйцо! Единственный на всё село. Предмет зависти и раздора. Дылды Романков и Ко раз попросили поиграть, два... раза... А мама Нина всерьёз возмутилась:

– Что это повадились?... Хоть бы скинулись пацану на кино... Не давай, Женя, больше.

Скинулись раз и ещё скинулись. Потом за полуметровый корень солодки, жирный, как палёный свинячий хвост, выторговали. А вчера ресурсы исчерпались. Тогда и надавали по сопатке... «В колхозе, – объяснили, – всё должно быть общее, ну а мячи – особенно...».

Женька и сам чувствовал ужасную неловкость за навязанные мамой Ниной коммерческие отношения с пацанами. Не по-людски это. Не по-божески...

Только брали бы в игру...

А они и брали, пробовали, но шуплый Женька играл, как глист: извивался много, а толку мало. Потерпели игру-другую, да и перешли на коммерцию. А закончилось все самосудом и последующей катастрофой...

С разбитым носом и с мячом, успевшим испытать человеческую жестокость и любовно обтираемым клетчатой рубашкой, Женька убежал на любимый мысок, в излучине Мужайлового яра.

Сошёл лёд. Грязно-синяя вода, студёная по-апрельски, наводнила русло Осинки и бесцеремонно выпирала из берегов. Цепляясь за плакучие ивняки, потопляя прибрежные пни, река бессовестно шарилась по прибрежной серебряной траве.

Женька отмыл окровавленный нос, пожулькал рукав рубашки и... обомлел. Райскин подарок скатывался с мыска. Тут же, обласканный водой, оказался в сажени от берега. Ну что за козни сегодня!.. За какие грехи?

Обомлевший пацан без секунды промедления упал в реку с мыска. И затарабанил руками по воде, пытаясь достать, доплыть, дотянуться до мяча... Но холоднокровная река плавно закручивала жёлтый поплавок и увлекала на главную струю. И – поплыл! Женька развернулся к берегу. И погрузился с головой в реку, ощутив дно, выскочил как пробка...

Наглотавшийся холодной воды, ошалевший от испуга и обиды, пацан выполз на мысок и долго откашливался. Когда сквозь слёзы он различил среди равнодушной синевы любимый, драгоценный райскин подарок, уплывающий в зыбкой волне навстречу неведомым безжалостным далям, – сердце оборвалось. Лучше бы утонуть! Сдохнуть! Проклятый паводок!.. Про-

пащая-несчастливая жизнь!.. Женька попинал воду, рыдая и негодуя. И, совсем уже обессилив, поплёлся домой, забыв на берегу свою мокрую клетчатую рубашку.

На следующий день, с утра, когда нужно было исправлять двойку по географии и писать диктант по русскому языку, Женька Шкаратин до полудня искал свой мяч. Нарываясь на собак и гусей, он пробежал по задкам, по всем огородам, перелезая плетни, заплоты и изгороди вдоль берега полноводной реки, обшарил и противоположный берег, переплыв на тонущем плотике полую воду. Безрезультатно! Проверил Левин и Никитин заездки, заливчики под горой, заросли камыша вдоль всей Рытвины. Пополудни вышел на берег Губы...

Где-то там, напротив Ильинки или ещё дальше, в неведомых широтах, о которых Женька, со своей двойкой по географии, не имел ни малейшего представления, в лучах заходящего солнца, наверное, беззаботно красовался этот поразительно круглый, юркий и навсегда утраченный райский подарок – волейбол из Ангарска. Единственный на всё село, а может быть, и на всю округу...

– Же-е-ка!.. Же-е-нь!.. – канючил у ворот Женькиного дома школьный дружок Лёнька Савин. – Ты дома? Чо скажу-то... Айда, Жека?.. – И, помолчав мгновение, снова гундел: – Ну, Же-е-ка...

– Чо базлаешь? – Женька спустился с крыши, где ночевал под ворохом старых тулупов и фуфаяк. – Ну, говори, чо хотел?

– Ну ты дрыхнешь... Девки все ворота обоссат...

– Всё?

– Да не злись. Я по делу... Ты за забор держись, не то упадёшь... – Лёнька явно не спешил с новостями, но одна из них распирала его ошарашивающей силой. И Лёнька смаковал момент, подготавливаясь сразить ею друга.

– Говори, не то получишь...

– Ой-ой-ой... От кого это?.. Заморыш, а туда же!

– Лёнь, ты капканы не ставь... Ты бы лучше у Самчихи про папку спытал! Старая ведьма про всех на свете знает.

– Боязно. Вдруг она в жабу заколдует. Пусть Мужайла рыскует. Я про другое...

– Пришёл – говори... Ты мне старинку принёс? Давай...

– Не-а. Не нашёл ещё... Я... больше принёс... Суший клад.

– И чо это? Где? Тут?.. – Женька обхватил друга и стал хлопать его по пузу, по бокам, по шее. – Тут... тут... тут?..

Они схватили в охапку друг друга. Завязалась борьба. Каждый пыжился уронить противника и засесть верхом...

На шум из ворот выскочила бдительная мама Нина. И с криком «Ах петухи... щипаные!» растащила пацанов.

– Лёнька!.. Ты чо озоруешь? Напал на слабого и коронуешься... Вот я тебя выдеру.

– Ма... да не лезь ты, – задыхаясь, цедил Женька, – мы же понарошку... Чо ты выскочила?

– Какой... понарошку! Он тебе чуть мослы не загнул, гадёныш этакий...

– Тё... Нина... так я вам новость принёс!

– Какую такую новость? Про космос опять... Дак нам не к чему.

– Не-а. Про мячик ваш! – Лёнька выпалил свою тайну, как ядро из пушки. И ждал — когда взорвётся.

– Про мя-чик... наш, – обомлела мама Нина.

– Ты нашёл его? – спросил Женька, внезапно вспыхнув спичкой среди мрака.

– На-а-шел. Не я. Тётя Нина, они его покрасили!

– ...как покрасили?

– ...чем... покрасили? Кто – они?

– да-да, побелили... красками! Он ещё лучше стал... Новёхонький! Только вымазался весь...

– Да кто... кто нашёл-то? – мама Нина стряхивала с Ленки невидимые пылинки.

– Дак кто?... Известно... кто... Хамушины...

– А ну-ка... веди-ка... меня! – Нина, отряхивая руки о передник халата, прытко пошла впереди пацанов. – Ишь, что удумали: покрасить кожу! Безотцовщину обижать! Ну я вам... покрашу рожи...

Пацаны отстали. Они замедлили шаг и совсем остановились в переулке, за два дома до хамушинской усадьбы.

– Ты зачем ей сказал!.. Зря. Сейчас драка будет...

– Дак я тебе хотел...

– Хотел он...

– А чо она заводная, как лесопилка?..

– Иди теперь сам... выручай.

– А ты?

Женька молчал. Эта волейбольная драма за последнюю неделю взвинтила его. И уже успокоился. А этот... друг называется... снова нашёл... Теперь мамка ввяжется в душещипательные распри, защищая не Женьку, а своё оскорблённое чувство. Дело может дойти и до драки. И тогда Женька, как это бывало не раз, и сам не утерпит, кинется на обидчиков и будет до крови защищать свою правду, мамку и собственное униженное достоинство.

– Пойдём вместе? Мамке твоей попадёт от Хамушихи... – и они припустились на Гротовозную улицу.

– Витька! Санька! – кричала Нина, перекрикивая собачий лай. – Где мячик? А ну-ка немедля... ко мне! – Во дворе шарахнулись гуси, раскрылатившись с перепугу, влетая на поленницу и в сенник... – Покрасили! Значит-ца!.. – вопила разбушевавшаяся мамка.

Вышла Хамушиха, квадратная женщина, с ромбовидным лицом и с длинной девичьей косой за плечами. Мать удалой двойни пацанов и вновь беременная с той же перспективой, она молча и неторопливо вышла за ворота, щёлкая семечки:

– Что ты тут разоряешься, Нинель Батьковна... Гусей перепугала... Ужо не пожар ли на селе?

– Дак я не тебя... кричу. Здравствуй-ка, кума... Давно тебя не видела...

– Здорово. Что надо – то?..

– Твои сорванцы дома? Погоди-ка..., – она обернулась на стоящих поодаль своих пацанов и поманила пальцем. – Лёнька! Иди-ка ты сюда! Рассказывай про мячик...

Пацаны подошли и молча насупились. Во дворе прекратился переполох. Собака лениво зевнула и улеглась возле будки.

– Ну что, Бандит, язык проглотил. Что ты против моих пацанов-то треплешься, а?.. Говори!

– Они мячик украли! – живо среагировал Лёнька на свою кличку.

– Мя-я-чик, говоришь... – зловеще протянула Хамушиха. – И у кого украли?

– У Женьки... вот.

– У Женьки! – нагнетала баба. – И какой у тебя, Женечка, мячик был?

– Жёлтый у нас, – заволновалась мама Нина, – ты, кума, не обижайся... Нам бы ваш мячик посмотреть...

– А чего его смотреть? На нём не написано, чей он. Да, нашли на назьмах... где-то. Исшарканный весь. Покрасила я его, починила, то ись... И никто его не воровал! Ты чо тут, Бандит, тень наводишь на плетень? Иди-ка отсель подобру-поздорову...

– Кума... Погоди шуметь. На каких это назьмах его нашли? Ведь уплыл он...

– У вас уплыл, у нас причалил... Я что зря белила тратила?.. Ничего не знаю... Нечего рот разевать..., – и она решительно повернулась к дому.

– Ай-яй-яй, кума! – предчувствуя недобрый исход, мама Нина набрала полную грудь воздуха. – И какая же ты бесстыжая! У безотцовщины... мальчика несмышлёного... воровать?

– ... наблядовала, теперь жалишься, – мгновенно среагировала беременная. И, не глядя, через плечо, с затаённой обидой, давно искавшей выход, совсем другим тоном обронила: Что за Яшку нашего не пошла? Теперь сопли на кулак мотаешь да ещё жалишься.

– За хромого-то?.. А вот не пошла. А твоё какое дело?

– ... хромой-то счетоводом стал. Не лаптем щи хлебает. Велик вон новёхонький в сельпо купил... Амбар ставит.

– А где он лес на амбар взял? На назьмах поди? Ась?..

– Ты на что это намекаешь?

– ... а я не намекаю! Я прямо говорю: ему Мошков в прошлом году сколько мешков пшеницы свалил? Не знаешь? А люди все знают!..

– Лю-ю-ди? Это кто же у тебя в «людях» – то ходит? Поди хахаль твой, Стёпка Пилатов?

– А хотя бы и он, – мама Нина внезапно успокоилась и другим тоном добавила, – Верни мяч пацану, кума. Не по-доброму это... Засудят тебя люди...

Хамушиха тоже взяла тайм-аут в пылу спора. И переведя дыхание, заговорила мягче.

– Что ты всё «люди-люди»?.. Уж не ты ли, Нинель Батьковна, в люди рвёшься?.. Вон Мишка колхозные грабли украл... А Васька, бык этот, мужчине глаз повредил... Хотя оба виноваты! Насосутся бражки и пошли по деревне силу пытаться... Это что ли... лю-у-ди?.. Им бы только баб портить да над семьёй куражиться... А мячик твой верну я... Вот пацаны вернутся и – возверну. Нам чужого не надо. А ты гони этого... Стёпку – хахалья-то... Не по тебе он... нет. Ты девка образованная, молодая, ещё найдёшь себе... И Женьке твоему... человека надо, а не кобелей этих. Ох, Нинель-Нинель... мне бы твои годы... – и она ушла, колыхая огромным животом длиннющий подол платья.

Нина озадаченно постояла у забора, оглянулась и, не найдя взглядом своих пацанов, тихо побрела домой. Смурно на душе. Гадко.

Ведь куда ни кинь – права Хамушиха. Не пошла тогда за Георгия... Хромотой его отвернулась. Сердобольные доброхоты наушничали, мол, в передний угол посоха не ставят. А Стёпка приبلудный... подарок, что ли... Две полы, да и те голы. Притулился, кобелёк ферменский, и как это у них получается? И невольно, как всегда в минуты печали и тоски, на ум пришёл образ луноликого, улыбчивого ангела, подхватившего её плотненькое тело, как подушку пуховую, не умеющего много говорить, но умеющего так сердечно... молчать... Его тёплые, сухие руки... И грустноватые глаза... Где он теперь? Сведёт ли судьба на повторное счастье?.. Что-то признаков нет.

Нина машинально обернулась. И, не найдя в уютной деревенской панораме признаков возрождающейся жизни, а один лишь неприятный, сырой и ветреный день, прислонилась к обманчиво-тёплой каменной стене старой деревенской церкви.

Приюти, господи...

Глава VI. Вся чудовищность образования

*Ягода от ягодыц недалеко падает.
Неизвестный умник*

...Из школы Шкалика едва не вышвырнули за пьянку...

Ну ну ну!.. Мой щепетильный читатель! Минуточку терпения. Как вы могли осудительно обмозговать моё огорчительное заявление? Нос, предполагаю, соединяется посредством головы с мыслительными процессами, но... «выковыривать из носа...»... извините. Если имеете в виду собственный опыт, то донесите мне по прочтении. Возможно, и ваши аргументы вытекают из... постулатов вышеупомянутого Козьмы.

Женька Шкаратин на экзамен по литературе за полный курс неполной средней школы притащил шкалик шмурдяка. Аккурат пол-литра. Не пить, конечно. Просто по привычке умыкнул у мамы Нины из-под потерявшего чутьё носа бутылку с похмельной бражкой. И, сунув её в школьную сумку, автоматически притащил на экзамен. Это было устойчивой привычкой Шкалика – таскать бутылки из-под маминого носа. И кто, и когда его надоумил, ученика несчастного?.. Загадочная жидкость отвратительного запаха и сладко-паточного вкуса делала маму Нину бесконечно доброй и щедрой на оплеухи и сдержанной на похвалу и материнскую ласку. Страдал Женька и – безвинно страдал. А однажды – спер!.. И пошло! Умыкнет бутылку, бросит в школьный сортир... Глядишь, на завтра мать как мать. А не рискнёт – под неусыпным взором – не даёт мамашка покоя наставлениями да тычками. Воспитывает в духе разлитого экстремизма. А когда появлялись очередные «папы» и мама Нина начинала новую жизнь, Женька особенно рисковал, выкрадывая в день по две-три бутылки. И особенно изощрялся накануне Великих праздников: дней Конституции, Пасхи, химика или медика, последней пятницы на этой неделе...

Рискнул и сегодня. Мама Нина выходила из запоя по системе Нельзя Бросать Резко. Но вот комиссия! Приближался выпускной вечер, и выпускник Шкаратин хотел пригласить родную мать на это Торжество, на его первый Великий Праздник за всю прожитую жизнь. И решив, как и прежде, избежать семейных драм, украл эту вонючую бутылку шмурдяка. И походя притащил её в класс за полчаса до экзамена.

– Жень! – восхитилась саблеухая Лидка Полещук – Ты чо, пить будешь?

– А чо?.. – призадумался парень. – У тя закусон есть?

– Ой, девочки, – завизжала саблеухая, – Шкаратин притащил... шкалик... Опупел! Хочет напиться и на больничный... сесть, чтобы не сдавать...

– Женька... Шкалик, – завизжали вокруг, – Ты чо, опупел, чтобы не сдавать?..

– Да я... Да пошли вы... Это... Лирику на опохмелку притаргал! – нашёлся, наконец, Женька и тут же открыл пластмассовую пробку. – Чуешь, а? Шмурдяк – закачаешься!..

– Ты что, псих! Заткни! Лирику принёс... Да он тебя твоей бутылкой промеж рог... Понял?

– Сам ты ш-ш-ши-шизик... Хочешь з-знать: Лирик вчера в пивнухе п-пиво с ф-ф-физи-ком дули! А-а-а?.. Понял?.. Давай по граммуйке, а, Ш-Ш-Шкаратин? – ободрил друга Витька Хамушин, называемый за глаза прозвищем Та-танк.

– Шкалики... несчастные... – осуждали правильно воспитанные одноклассники.

– ...попадёшься, Женька..., – не то предупреджали, не то сочувствовали другие.

– Да пошли вы все...

За выскобленными и вымытыми по случаю выпускных экзаменов школьными окнами благоухала размалёванная, самовлюблённая, весёлая пора. Наряду с сексапильной возбуждённой пёстрою пернатого населения, чирикали взбудораженные грядущей ответственностью

и тайным вниманием незрелых пацанов прехорошенькие вчерашние школьницы, будущие выпускницы. Всеобщий вселенский гомон сливался в слаженный жизнеутверждающий ровный гул жизни.

Так и хотелось вскочить на свежeweымытое окно, распахнуть с треском оконные створки и, набрав в лёгкие шибящего весеннего аромата, изо всей мочи закричать в равнодушную природную ширь: «Ит-тит-твою мать! Как прекрасна жизнь!» Да так, чтобы взвились в небеса гулькающие пришкольные голуби, а вспугнутое сельское эхо, отражённое от заречных гор, привычно бы вторило: «...мать мать мать...»

Женька напряжённо затыкал большим пальцем принесённую в школу бутылку. Характерный бражный запах отменного шмурдяка мгновенно заполнил помещение восьмого «б» класса, удушая запахи свежесорванных луговых цветов и свежей извести...

– Фу, Шкаратин, нафунял, – морщились одноклассники. – Сейчас придут и найдут, точно шпаргалку под партой...

– Ты её за окно вылей, – советовали другие. – В форточку.

– Сургучом залить надо, – припомнили способ самые опытные.

– Уксусом нейтрализовать!

– ...Хлоркой...

– Д-да просто выпить и – д-дело в ш-ш-шляпе, – подначивал голос Та-танка.

– Да он же умрёт! – протестовала всё та же саблеухая Лидка Полещук, растопыренной ладошкой хлопая себя в лоб.

– Конечно, выпить... Только на на на всех... Ни... ни... не одному же Ш-Ш-Шкаратину отдуваться! – волновался Витька Та-танк.

– Сам виноват...

– Да замолчи ты, ударница несчастная!

– Наш-ш-ш-шли стрелочника, Ш-Ш-Шка!

– Ну что вы резину тянете! Они, кажется, идут!..

– Братцы, я придумал! Эврика!.. – Колька Курбанпаша вдруг вскочил на парту.

– Давай, Колян...

– Братцы! В сосуде находится пятьсот миллилитров этой... чего там налито. В нашем классе до конца учебного года осталось двадцать пять лоботрясов... Если пятьсот миллилитров разделить на двадцать пять...

– Я хоть лопну – не буду, – выскочила Лидка.

– И я...

– ... и я – хоть убейте меня.

– Предатели...

– ... враги народа!

– ... то, значит, на каждого получится всего лишь по... надцать миллилитров. Слону – дробина!

– Ура! Да здравствует великий математик...

– ... профессор Бутылкин!

– Эй, профессор, а сколько это будет в литрах?

– Ой, мальчики! Они сейчас придут, – вернулась в дверь Лидка Филатова, шпионившая под учительской дверью.

– Стаканы давай...

– Здесь только реторты...

– Женька, разливай. Шкалик... несчастный.

– Реторты, чёрт, кончились...

– В пробирки лей! На... на...

– ...не расплескивай, балда, это же... цимус!

- Сам ты синус, у меня рука дрожит.
- Женечка, давай, пожалуйста, быстрее... Они, наверно, уже идут.
- ...а всем не хватает.
- Я же сказал – не буду! И не буду!
- кто против нас, тот... Иди, на стрёме постой.
- Ну, Шкаратин, если я сейчас умру, я твоей мамке всё расскажу. Какой ты гад, бутылки воруеть!
- Пей, кляузница.
- Стоп! Чокнуться надо...
- Итак чокнулись с этим Шкаликком.

Кажется, мы сделали сакральное открытие. Шкалик! Не отсюда ли рожки растут? Не тут ли внезапно и навсегда прилипло к Женьке Шкаратину это ёмкое, как обеденная чекушка, прозвание «Шкалик»? Но не об этом сейчас!..

- Они уже... идут!

В цейтноте предэкзаменационного банкета банкующий Шкалик за отсутствием опыта и мерной тары опорожнил только две трети сосуда, когда разведчица Филатова истошно завопила: «Иду-у-у-т!»

Они шли по короткому школьному коридору, словно буцефалы Александра Македонского, целеустремлённые, неотвратимые, не оставляющие никакой надежды. Спрессованное их поступью время было временем «че», оно ломилось в класс, сравнимое, пожалуй, с битой таранного орудия мрачного средневековья, угрожало грядущей ответственностью за грехи совершённые – непредсказуемостью.

- Идут, идут, идут... – часто, громким шёпотом голосила порывистая Валька Громова.
- Братцы, открывай окна!
- ... дверь держите!
- Ой, что сейчас будет!.. Что будет... – повизгивали самые пугливые.

Любезные клиенты, читатели криминогенной саги, здесь автор должен сделать отступление от правил с тем, чтобы снять нервное напряжение, отдающее дрожью в борзописном пере. Прошу понять. Если у вас всё в порядке с нервной деятельностью и сердечной недостаточностью, вы можете на короткое время принять позы змеи или поникшего лотоса, полезные для физической разгрузки затёкших членов. Если есть в вашем баре, буфете, в тайной записке... самая малость, на доньшке, позвольте себе... на мой счёт... для снятия назревающего стресса. Если вам не свойственно ни первое, ни второе и не волнует повествовательная перипетия, оставьте на неопределённое время чтение. В нейтральной обстановке, не навязывая себе обязанность продолжать постижение саги, мысленно возвращайтесь к нехитрой фабуле злоключений Шкалика Шкаратина. Не лишайте себя удовольствия мозговой игры!

Глава X. Студенческая

Ахинею нести легче, чем бревно.

V. V. Raptus

...Шкалик Шкаратин выпил с первой стипендии. Выпил, внутренне сопротивляясь, отключив губу со всевозможной брезгливостью, но и с великосветским достоинством, поднеся к носу надкушенный кусок хлеба, точь-в-точь, как в питейном ритуале мамы Нины.

Выпил не один, а «на троих», что тоже о многом говорит искушенному читателю. Да? Точно? Именно «на троих»... Неодолимая тенденция первой трети его биографии неумолимо приобретает окрас ультрамаринового пламени спиртовой горелки. Если вы хоть единожды в жизни подносили спичку к разлитому по столу спирту – поймете, о чем идет речь. «Трахнувши по единой» и занюхав надкушенной осьмушкой хлеба, случайные собутыльники тут же и расстались. Простите, вижу у вас в глазах некоторое недоумение... Как бы косо не смотрели на складчину, ну, не упрямитесь, не лукавьте, признайтесь: есть что-то заворожительное в самой идее «сброситься», что-то масонски-мистическое в подготовительной процедуре сговора и, конечно же, есть что-то братское, глубоко-человечное в звонком соединении стаканов в людской компании. Да под хороший тост! Да под традиционную закусь!..

Кстати, вспомнил... Вы закусывайте, не церемоньтесь. При приёме на работу американский рабочий проходит тестирование. Среди пунктов теста есть прямо-таки скабрёзный вопрос: «Пьёте?..» Улавливаете атмосферу?.. Честно признать слабость «принимать по маленькой», мол, хоть и редко, но иногда бывает, – значит, поставить под сомнение результаты теста. Признаться в обратном, мол, не пью и не манит – поставить под сомнение правдивость натуры и достоинство своей кандидатуры. Как быть?.. Тестируемый американец моментально ответил: «Пью, но с отвращением!»... Каково, господа-товарищи? Ха!..

Получив стипендию, заработанную сессией без двоек, точно внезапный тайный клад, не пролонгированный наперёд на всевозможные траты, Шкалик попросту ошалел от необходимости принимать решения в связи с обрушившимся на него капиталом. Я не делаю здесь моему герою рыбы глаза. В школьные годы Шкалик ходил в кино, приобретая билеты в обмен на куриные яйца. Подарки одноклассникам делал сам, сливая в новый флакон недопитый папами одеколон и эфир из больничных ампул. Наличные деньги никогда не жгли его девственные ладони. И первые рубли, доставшиеся в обмен на каторжный труд воспоминаний незабытого и запоминание непонятого, были сущим капиталом, требующим немедленной... сатисфакции, как говаривали некогда гусары. Так случилась Женькина «обмывка» первой заслуженной стипендии...

– Фамилия?

– Шкалик.

– Шкалик?..

– ...Шкаратин.

– Шкалик или Шкаратин?..

– Шкаратин Евгений Борисович.

– Евгений Борисович Шкалик-Шкаратин?

– Шкалик – это... псевдоним.

– Понимаю... Вашей фамилии очень не хватает именно этого псевдонима. И давно это у вас?..

– С детства, кажется.

– Пьёте часто?

– Два раза. Вообще не пью!

- Понимаю. Первый и последний раз... Кто подал идею обмыть стипендию?
- Никто. Стихийно возникла.
- А кто предложил бутылку из-под рома вместо иконы... в красном углу... водрузить?
- А-а, да это в шутку.
- Вы в армии не служили?
- А что я вам сделал?
- Хочу понять мотивы поступков.
- А у меня их нету.
- Мотивов? Хм-м.
- Поступков... плохих. А выпил – случайно.
- Вы мне, Евгений Борисович, ваньку-то не валяйте. Расскажите лучше свою биографию.
- Я... это... родился в тысяча девятьсот...
- Покороче. Без хроники.
- Я родился... потом пошел в школу... Не закончил ее...

И поступил в институт. – Шкалик истощился. Впервые для себя понял, что у него – с ума сойти! – нет и не было биографии. Родился и... А вот легендарный Гайдар в пятнадцать лет полком командовал. А Павка Корчагин – узкоколейкой. Что со временем творится? Стыдно жить без биографии. Точно голому... перед банщицей.

– Да... Не густо. А кто ваши родители?.. Национальность?.. Имеете ли родственников за рубежом? Рабочий стаж? Комсомолец, надеюсь?

– Ничего не имею.

– Скажите честно, Шкаратин, вы Солженицына читали?

– Про ледяной дом? Честно? Читал.

– Это Лажечников. Мне сообщили, вы на гитаре играете. А песни Высоцкого, Галича – напеваете?

– Честно? Я про бродягу и товарища Сталина... люблю. Где он... большой ученый... А мой товарищ – серый брянский волк. Хотите – сыграю?

– Это Алешковский, из той же породы отщепенцев... Петь не надо... Охотно верю, что крамолой не интересуетесь, не член нашей партии и, может быть, круглый сирота, ну а... к какой нации хотя бы принадлежите?..

– У меня не записано.

– Неужели?.. Может быть, вы кыргыз, хакас, еврей, и этого стыдитесь? Но ничего постыдного здесь нет. В нашем многонациональном государстве и евреи – не самая... нация...

– Я не еврей...

– Может быть, чукча?.. Мордвин? Удмурт?

– Не знаю я. Мамка не успела сказать – умерла. А я отца ищу. Может быть, он китаец по фамилии Кель Син или... Сив Кин. У меня глаза-то его... узкие. А может, мамка чо попало сосала.

– Что-о-о?.. Что сосала?

– Брагу, одеколон, огнетушитель... этот... ацетон пила.

– Ну вот, видите, Шкалик?.. Пить – это дурная наследственность. Но вы, надеюсь, не потерянный для общества товарищ. И студент уважаемого вуза. А, извините, ваш папа... Он пил?

– Не в курсе... Кажется, все пили.

– Кто – все?

– Папани мои... У меня их много было. Я про всех не знаю.

– Н-да... незадача... Ну, вот что, Евгений, я говорю вам, что пили вы в последний раз. Как декан говорю! И прошу это хорошенько запомнить. А сейчас идите на лекции. И подумайте там о нашем разговоре.

– До свидания.

– Идите, Шкалик. Тьфу ты... Шкаратин.

Шкалик ушел, а озадаченный Шевелев, декан геологического факультета, ещё некоторое время сидел, бессмысленно изучая карту герцинской эпохи складчатости. Прорва времени, разделившая две эпохи – герцинскую и социалистическую – ничего не изменила в пользу неустроенного человечества.

Этим разговором и закончился первый публичный выговор нашему герою за пагубную привычку к алкоголю. Закончился тихо-мирно, без ущерба для общества и без последствий для противной стороны. Шкалик вышел из деканата не побитым, не подавленным моралью, если не принимать в счет некоторые гнусные намёки декана. Круглое, мол, сиротство, еврейское, знать, происхождение, многозначительная беспартийность. И еще факт, больно задевший меня, как автора криминогенного романа, должен здесь отметить. Впервые за всю свою будущую жизнь Шкалик Шкаратин получил первое Последнее Предупреждение. Но эта тема специального исследования, которому еще будет место в нашем романе. А засим я приглашаю вас занять позу Змеи перед нижеследующим продолжением.

– Прошу за кафедру, Евгений Борисович. Сегодня ваш кафедральный... так сказать... час. Захватите конспект... И сюды, сюды, пожалте, сюды..., – Лопшаков уступил свое место и встал в позе троянского коня, закладывая руки за спиной. у широкого, давно немывтого окна.

– ...Итак, Вы Спиноза. Или Платон, Диоген Синопский, Парменид... Кто вам больше нравится... Вы – перед аудиторией... На площади разношерстная публика... Торгующий люд, гончары... Симпатичные и... женщины. Здесь гомон и брань... Здесь поют и пьют... Корякин летописует что-то на английском, а Люся Щеглова, кажется, вяжет нечто под столом на самое себя или чтобы одарить... дремлющего Аполлона. Не вертите головами... Все внимание философу Шкаратину... Коллега Шкаратин накануне публичного заявления. Это его кафедральный час. Что вы скажете нам, вашим согражданам, выйдя из бочки?.. Чем просветите? Гневную филиппику? Общетеоретическую риторику? Может быть, призовете на войну за успеваемость? Ваше право... Перевоплощайтесь, Евгений Борисович. Три минуты вам на подготовку, на вхождение в роль. Прошу три минуты тишины..., – так он сказал, загадочный Лопшаков. Лопаясь от идеи и самодовольства. Сам воплощенный Спиноза и Аполлон. Умница и красавец. Сергей Варламович. Нагуталиненные туфли, галстук в горошек, бардовый костюм-тройка, шарм в виде вузовского значка да брелка на цепочке. Студенты, а более того студентки пребывали в восторге от личности и выходок своего философа. Терпели и философию.

Евгений Борисович пытался думать, заискивающе глядя в глаза однокашников. «Дума» не работала. Однокашники тоскливо ждали конца занятий. Билась муха. Все устали от посредственности событий.

– Ну что, Шкаратин. Прошли три минуты. Заступите на кафедру и... излагайте ваше кредо. О чем бишь оно!.. Пожалуйте. – и сделал жест ручкой, истовый Аполлон Бельведерский...

– Я... это, – начал Шкалик, заступив на кафедру, – про вред курения и пагубные привычки... Я всем советую бросить курить и... эта... пить. И начать жизнь с понедельника. И жить по-новому... Вглядываясь в светлое будущее.

– Bravo! Смело и актуально. И довольно-таки близко к общественным проблемам. Но активнее, активнее!

– Товарищи гончары, купцы и... последние нищие, – глубоко вздохнул и выдохнул Шкалик. – Граждане нашего города и из... сельской местности... по имени... Гондурас! Бросайте курить и пить чачу. Это до добра не доведет!.. – Женька воспользовался жестом Аполлона. – От никотина дохнут мухи и лошади... тоже. От алкоголя люди спиваются, – Шкалик вдруг шагнул с кафедры к столу Лопшакова и коротко, эдак иллюстративно шлёпнул ладошкой ползающую муху. Вероятно, вертящуюся от никотина, как кружавая овечка. Аудитория пискнула. Лопшаков предостерегающе вскинул руку. Шкалика понесло.

– Только вонючая... чернь и последние проститутки курят и пьют вино. Они отравляют себя и своих потомков. А также рожают уродов и детей-алкоголиков, – однокашники только прыснули, с трудом сдерживаясь, косясь на предостерегающий жест Лопшакова. Смех давил уши изнутри.

– Господа, – поправился Шкалик, – греки, китайцы и прочий торговый сброд... Эй, вы сидящие в пыли, на голом песке и на «камчатке», посмотрите на меня... снизу-вверх: я курю, – Женька применил жест, – и пью, – И снова жест... – Один грамм никотина убивает лошадь, а одна стопка алкоголя тошнит желудок... Посмотрите на меня, господа хорошие, разве можно держать меня за... за... за...

– Хвост! – подсказал Кеха Егоров, откровенно хохоча.

– ... хобот, – блеснул кто-то из «греков» или «китайцев».

– ...за здоровую лошадь, – не потерял Шкалик красную нить, – или за...

– ...за зайца во хмелю! – сострил Волжанин.

– За зайца пьяного! – обрадовано подхватил оратор. Рухнул потолок. А возможно институт настигла систолическая весна. Аудитория упала на столы и вибрировала в такт систолическим колебаниям. Сергей Варламович оторвался от окна и возмущённо замахал крыльями, точно хотел подняться над аудиторией. Смех слегка угас. Пожар ушел вглубь.

– Продолжайте, Шкаратин. Развивайте тему. Смелее. Следите... за полетом мысли. И за речью. Вы же философ, ораторство – ваш хлеб, ваше море. Купайтесь! Поднимите эти падшие души, ведите их... за собой, спасайте..., – не совсем уверенно закончил он и поправился: К светлому будущему!

Шкалик глубоко вздохнул. Напрягся и... вдруг резко оторвался от кафедры и выбежал в широкий проход перед аудиторными столами. Быстро забегал по нему, углубляясь в тему. Зал замер, напряженно притих...

– Да что курение? И что есть питье? – снова зацепился мыслью за что-то банальное. – Разве у вас нет других пагубных привычек? Например, греки лживы и хитры, как троянские кони, и сверх меры воинственны. Кто спровоцировал падение Афин? Кто затеял войну? Внедрил троянского коня, нафаршированного пьяными греками. Китайцы что ли? А-а-а?... Китайцы – непорочная нация? Зачем же тогда они воздвигнули великую китайскую стену? Скрытность – вот порок! Глупость – вот причина! А вы, евреи, армяне и чукчи?... Что притихли? Не про вас ли сочиняют анекдоты на все случаи жизни! У вас вообще нет положительных привычек, только – пагубные. Вы и глупые, и жадные, и алчные, и похотливые. Человеческие подонки!.. – кинул Шкалик в затихший зал где-то недавно прочитанную хлесткую фразу. И это было слишком... Слишком инерционно. Шкалик точно напоролся на копьё. И завис. И осекся. Так иногда хлебнёшь не в то горлышко – и не можешь проглотить. Аудитория оглохла. Лопшаков слегка растерялся. Возникла гоголевская театральная пауза...

Мой уважаемый клиент! Отойдите, не скрипнув половицей, слегка в сторону. Не спугните их. Посмотрим на это с расстояния от Москвы до самых до окраин. Помчим мысленно на север и юг сквозь дальний и ближний угол нашего зрения. Призадумаемся. Не кажется ли вам, что петух прокукарекал? Или собака лает? Да и человек – существо слабое и легко возбудимое – не способен ли в состоянии творческой эйфории перепутать нравственные ориентиры? Не так ли, увлекаясь, уклоняются от красной линии гениальные сумасброды – поэты, режиссёры, композиторы... – интригующие, заманивающие и заблуждающие нас, – тьмы и тьмы, и тьмы... еще более неустойчивые и заинтригованные массы? Не в восхищении ли мы от этой одурманивающей игры – до поры, до ошеломительной кульминации, до шока... Как это напоминает историю с рязанской короной... вы помните? «мочой... в салонный зал»?

Сергей Варламович Лопшаков ушел с половины семинара, оставив Шкалика Шкаратина на площади, наедине с разношерстной публикой и в недоумении – до конца занятий.

Да и много позднее Шкалик Шкаратин так и не мог взять в толк: а что это было? Куда его понесло? Какой силой?..

Глава XI. Оплеухи

*Всем нам улыбается смерть. Мы лишь можем улыбнуться ей
в ответ.*

Mussolini

В Решоты Цывкин попал, как резвящийся соболь в силок. Но случилось это не в тот злополучный день, когда «стажировал» напарника. И не только за дэтэпэ на своём обжитом до последней гайки МАЗе. И не в привычном статусе шофера великой стройки БАМ.

Его обвинили в нескольких статьях УК, судили и приговорили к четырем годам колонии. При смягчающих обстоятельствах: такие, к его изумлению, нашлись. Одним словом, повезло.

Как выяснилось в судебном следствии, Баир Цывкин состоял во всесоюзном розыске как малолетний крестьянин, ушедший из дома в неизвестном направлении. На стройке работал по подложной справке сельсовета, добровolec-комсомолец, хотя на учёте ВЛКСМ никогда не состоял. Водительских прав у него не было. И автомашину ему доверили на страх и риск начальника мехколонны, по причине жестокой нужды в водителях такой категории. Смягчением же стали справка о несудимости, ходатайство механика мехколонны с характеристикой «водитель-специалист высокой проходимости».

По этим же обстоятельствам начальство не спешило отпускать его с трассы. И даже до поры пыталось скрывать его от розыска и суда.

Случай с разбитым в дрободан МАЗом и немножко покалеченным стажером всех виноватых и невиновных вывел на чистую воду – стезю мер ответственности. Но судили и упекли в Решоты только его, Баирку Цывкина. Да и то исключительно по очевидной «вине»: сам сдался.

Уже в бараке, за колючей проволокой, которую наблюдал много раз из кабины с досадным чувством и загородившей его от мира с той стороны, он пытался понять произошедшее с ним. Слегка обвыкнув, втянувшись в лагерный режим, освоив лесопилку, он вечерами падал на нары, да и вспоминал свою «таёжную эпопею». Охоту и рыбалку. Работяг, выматывавшихся на великой стройке за «длинные башли». Повариху Фроську, дурнушку, а – туда же. Напарника, с его порванной щекой и выставленным коленом, изможденного болью от трехдневного ковылянья по избитой дорожной колее... Ногу Шкалик зафиксировал, как учил отец, осиновою корой и прутами краснотала. Щеку от гнуса и грязи смачивал мочой и оклеивал подорожником. Тащил Кешку на горбушке световой день, уже не веря в благополучный исход. Бил по спине, пинал по задку, заставляя снова и снова громоздиться на горб. Как-то дошли.

На суде зачили не это. И не особенно выясняли драматургию тех таёжных часов. И со слов стажёра, месяц спустя приходившего на свидание в КПЗ, свидетельствовал он под протокол следователя лишь о причине ДТП с МАЗом. Без справки о «телесно-тяжких...» И тут же стажёр хренов навязчиво благодарил за спасённую жизнь.

Баир Цывкин надеялся «откинуться по УДО» на полгода раньше срока, когда лагерное начальство потеряло над ним, «борзотой вшивой», всякий контроль. Дерзкий и неуправляемый, он мешал привычным порядкам зоны, «дизелил, как на днюхе», как тут выражаются. Харизматичность натуры, вкупе с обретенным влиянием на зэка, досаждала «кумам и всей масти». Его освободили. «Закончил академию»...

Из-за колючей проволоки вышел другой Цывкин. Нетерпимый к фальши и косности. Немногословный, но и не умеющий замалчивать очевидную ложь. Словом, неудобный во всех сферах.

Не один раз менял места работы, куда его брали с условным сроком, учитывая справку УДО. Менял географию поселений. Много раз и профессии.

...Уволили шофера Баира Цывкина и с Целлюлозного комбината. Здесь, шутя не без намека, процитировал расхожий лозунг Лики Сизиковой, председателя Общества охраны природы: «Целлюлоза нужна. Но не такой же ценой!...». Сказанул по-комсомольски: «...Каждый рабочий комбината, не вступивший в ряды Общества защиты природы, – не достоин звания настоящего человека!...» И схлопотал от Лизы негодующее ню. Выступил и на торжественном собрании в честь Дня лёгкой промышленности. И здесь процитировал пару расхожих афоризмов. Да как не кстати! Присутствовавший на собрании директор ЦБК недоуменно, сверх очков, посмотрел на начальника отдела кадров. Женщина ответила ему взглядом, полным исполнительского рвения. Директор перевёл взгляд на оратора Цывкина. Женщина посмотрела туда же, и этот её взгляд мог бы испепелить самозваного трибуна вместе с трибуной. Утром Баирку уволили. С согласия профкома, парткома и Общества охраны природы. Лика Сизикова негодовала больше других. В её реплике – «Заставь мужика богу молиться, он и лоб расшибёт» – секретарь парткома подметил аполитичность, а другие – только двурушность принципов. Борьку уволили «по собственному желанию» начальства, а устно – за пьянство на рабочем месте. Без отработки и выходного пособия.

Сейчас он крутил руль леспромхозовского лесовоза. Работа привычная и – без политики. Правда, леспромхоз обслуживал Иркутскую ГЭС. и здесь была своя коллизия взаимоотношений. Но Борька после поражения Движения в защиту Байкала и собственного фиаско более не цитировал крамольные слухи. Платили и здесь хорошо, и Цывкин не отказывался от сверхнормативных рейсов.

Этот рейс был последним перед отпуском. Уже давно созрела мечта закатиться на юг, к морю. Заработанные в последний год деньги тратить было не на что, да и не с кем. Цывкин так и не приглядел среди леспромхозовских дев свою, достойную. И, собираясь к самому синему Чёрному морю, думал: не везти же дрова в лес! Однако на разгрузке ему не раз приписывала кубометры чернявенькая Анечка, демонстративно носившая соблазнительную грудь и умеющая откровенно долго не отводить глаза. Цывкина подкупала ее предпочтительность, соединимую с премиальностью. Но общения у шоферов с приемщицами были лишены романтики и амурных возможностей.

Подъезжая к лесопильному комбинату, Баир всё же вспомнил Анечкин образ и невольно прибавил газу.

Анечка должна была работать в ночную смену. Цывкин подвернул в ближайший гастроном. Перед самым закрытием полки были полупусты и не впечатляли выбором. Вино-водочный отдел однако как всегда соблазнял этикетками и формами Цывкин выбрал неказистую бутылку «Черноморского рислинга» и, на всякий случай, водки...

Визжала пила! Пела песню на родном языке. Лес плавно циркулировался. Знакома ли вам музыка лесопильных заработков?.. Пот и свежий лиственный опил на обнажённой доверчивой спине?..

Весёлая кутерьма горбыля и лиственной коры завораживали испуганные глаза студентов-практикантов. Хватай-бросай... Не падай... налево-направо... кругом... следи за осанкой... перед крановщицей да перед приёмщицей. Перекуривай! О, кайф!

Лесопильная фабрика, смутно напоминающая в своих основных очертаниях – о, поэзия транспортных блоков и функциональных узлов! – такую же непостижимо загадочную конструкцию самогонваренного аппарата, с первых же часов работы покорила студентов непрерывным процессом и масштабностью дела. Круглый лес, захваченный извне, точно коровьим языком, брошенный в зубатую улыбающуюся пасть, торжественно дефилировал по транспортным цехам, делясь и дробясь на доску и плаху, на горбыль, шпалу и лафет. Неумолимо точно в водопаде молевого сплава низвергался разваленный пиломатериал к сортиментным штабелям. Хватай-бросай, рабочий люд, доски! В том числе наши студенты, беспаспортные поден-

щики, в том числе женщины «бесполое», а потому и бесплодные, шумно дыша, сморкаясь и матерясь, складировали чуть дымящиеся, приятно пахнущие доски, брус и бруски в штабеля. Кранбалка, точно самая ловкая африканская обезьяна, хватала упакованные пачки и выносила за пределы внутренней освещённости, в холодную и промозглую весеннюю тьму. Доковский челюстник по-щучьи смачно зажимал горбыль и вывозил его в ночь.

Есть особенная красота в тяжелом физическом труде – красота осознанной необходимости. Скорее, это философская категория. И не зря каждый год второкурсники после курса общей философии проходят здесь производственную практику. Освежает, знаете ли, мыслительный процесс, наполняет его научно-практическим мировоззрением.

К первому перерыву студенты были в мыле, но не пали духам. Хлопали друг друга по спинам и взащей, сбивая опилки и стрессовую атмосферу.

– Чо, Шкалик, набил мозоли? Это тебе не у Зинки в пуговичках ковыряться!

– А ты чо, бугай что-ли? А ну покажи ручки?

– А ручки-то вот они...

– Дрож-жат!..

– А у Важенина, глянь, волосы седые... из носа... Посед-дел человек!..

– Дак док-то нас всех сегодня поседеет.

– Не ссы, Омелька. Родина тебя не забудет.

– А ей это надо? Я думаю, братцы, это не практика, а прием такой... методический. Курс молодого трудяги. Чтобы жизнь медом не казалась. Помните, мы на первом – вагоны разгружали? У меня ноги ватные два дня были. А после сегодняшней... потогонки что будет?..

– Во-о! Точно, пацаны. Это же потогонная система... мистера Тейлора! Только – в сэсээр. Баб здешних жалко.

– Не... Вагоны разгружать труднее. Бери-неси-клади, пока идёшь – перекур... В толк не могу взять: почему нам денег не хватает? Экономистка говорит, мы, мол, подённую зарплату за пару часов зарабатываем. А остальные шесть часов – коту под хвост? Почему я должен на государство горбатиться аж шестёрку лишних часиков?.. За какого это дядю?

– За того парня.

– Не переломишься. Тебя же учат бесплатно! Экономистка ясно объяснила: сверхприбыли у капиталистов, а у нас – плановая экономика. Госплан каждый рублик учитывает. И постатейно... на развитие страны...

– ...и на оборону, и на помощь Кубе, и на Анжелу Дэвис...

– ...и на борьбу с эпидемией холеры!

– Заныли, зануды. Вы ещё родине долг за революцию не отработали. Жили бы сейчас при царе. Горбатились на кулаков!..

– Тебе бы, Важенин, бурлаком где устроиться...

– ...на Ангаре.

– Парни, предлагаю дать деру. Кто за?.. – неожиданно заявил Шкалик.

Замолчали. Это был вызов. Откровенная провокация. Следующее слово должно стать довеском на чаше весов. Весы колебались, все молчали. В проеме Дока неожиданно появился голубь – среди ночи – и загулькал.

– Чего это он... не спит?

– Бдит!

– Это же вестник богов, братцы! Зовет нас за собой, – переиначил свой вызов Шкалик.

– Зовут орлы. Или буревестники, – философски заметил Важенин. – соколы... А голубь – символ мира.

– ...мол, мирно продолжайте рыть себе могилу. – стоял на своем Шкалик.

– Ну ты, блин, не каркай... Женька, не ссы и не каркай, понял?

– А ты, Срыбный, не воняй. Ты – не жила. К полночи из тебя весь вонизм выйдет, и ты по-другому запоёшь.

– Кто? Я?..

– Шкалик, кончай нагнетать! – серьёзно закипел Важенин. Остальные тоже обрушились на Шкалика и в шутку, и всерьёз.

Голубь внезапно сорвался из небесного проема и спланировал к навесу, где дневная смена поедала свой «тормозок», курила, «забывала козла». Сейчас здесь было пусто и темно. Хотя хлебное крошево среди окурков можно собирать.

– А, проголодался, проглот!..

– Он, как Ванька Корякин, по ночам под стрехой жуёт.

– У Ваньки диабет, а ты что делаешь по ночам под стрехой?..

– ... с Катюшкой Сидоровой? А-а-а?..

– ... да под одеялом! А ну посмотрим, у тебя шерсть есть на правой ладошке?..

– Да пошли вы в пень дырявый...

– Ха-ха-ха!..

Загрохотал всей мощью лесопильный цех. Контингент занял свои места. Пошло-поехало.

Шкалик однако не сразу встал к конвейеру. Он долго переобувал сапоги, натягивал верхонки. Первая подхваченная им плаха внезапно уперлась в ограждение, напряглась и с треском лопнула. Ее обломленную часть бросило на Женьку Шкаратина, точно огромную руку, отвешивающую пощёчину. Женька упал на конвейер, и его тут же сбросило на пол...

В шуме лесопилки никто не слышал треска и хлопка, и никто ничего не понял в первое мгновение. Первым завопил и замахал руками Важенин. Крановщица удивительно быстро выключила конвейер.

Мгновение или целую вечность продолжалось оцепенение. Конвейер встал. Шкалик лежал. Остальные не могли пошевелиться.

– Человека убило! – закричал кто-то из темноты.

– ...не мог пригнуться, – укоризненно-растерянно произнес Волжанин, – что делать-то?

– Тащить его надо... куда-то. Где тут врачи есть?

– Какие тут врачи, дурень, в час ночи...

– Не стоять же с ним... до утра?..

– Давайте искусственное дыхание делать... как учили.

– Ну и как это?

– Рот в рот... кажется.

– Ну что стоите-то? Надо же что-то делать!.. – Срыбный, точно параноик с приступом диареи, запрыгал на месте, потрясая воздух растопыренными ладонями.

– Надо посмотреть... зеркальце бы... Может, живой? – Ванька Корякин первым пришел в себя. Он подошел и наклонился к лежащему навзничь Шкалику, попытался заглянуть ему в лицо. Срыбный подошёл следом. Вдвоём они осторожно приподняли тело, не решаясь перевернуть его. Остальные сгрудились вокруг.

– Парни, надо нести его на дорогу! Может, кто поедет... – предложил Омельчук.

Из темноты вбежала женщина, в начале смены объяснявшая студентам технологический процесс. Она, как сумасшедшая, трясла головой и тихо бормотала: «...ой, убило, убило, ой-ёй, убило человека... ой, боже ты мой...».

Внезапно в слабо-фиолетовом свете цеха разлился ярко-розовый оттенок извне, а может быть, голубовато-бирюзовый отсвет лунного неба смешался со светом фар въехавшего на территорию лесовоза, а может быть, произошло что-то еще невероятно роковое, окрасившее растерянную группу людей бледным хвойно-зелёным колоритом. Был ли это минутный массовый психоз, космическое явление или иное, необъяснимое и даже не принятое всерьёз, а только что-то произошло. Не Вирус ли зелененький разлился в драматической атмосфере?

Под стрехой снова объявился давешний голубь, «вестник богов», затмивший небесный проём и дружелюбно загулькавший свою голубиную песню.

– Братцы!.. Там машина... – судорожно выговорил Омельчук и первым кинулся на улицу. Остальные, не раздумывая, устремились за ним. Над Шкаликом осталась стонущая или скулящая женщина. Она словно ничего не замечала и не чувствовала, кроме чужой беды и боли...

Баир Цывкин недоумевал и негодовал перед ажиотажной группой студентов, выкрикивающих всяческую «пургу», пока из темноты, как с того света, на него не вышла чернявенькая приёмщица Анечка. «Человека, кажется, убило...», – тихо сказала она Баирке. И Цывкин мгновенно всё понял.

Он круто развернул лесовоз, едва не захлестнув хлыстами и студентов, и Анечку, бросил машину и побежал в цех. Совсем бесцеремонно схватил Шкалика на руки и бегом устремился обратно...

На трассе Цывкин гнал так, как никогда не ездил с лесом. Анечка тихо стонала, придерживая голову Шкалика на своих руках. Волжанин, примостившийся рядом, пытался объяснить дорогу до травмопункта.

– Ты, парень... как тебя?.. Возьми водку в бардачке... Нашел?.. Там она! Открой и потри виски... Да не мне! Ему... – Цывкин всматривался в несущуюся навстречу ночь. – Еще губы смочи... Ну чего ты пальцем?.. Плесни на губы!

Внезапно Шкалик закашлялся и зашевелился. «Жи-фой!» – с каким-то идиотским акцентом выкрикнул Важенин.

– А как же! – весело подтвердил Цывкин. – Водка свое дело знает. Ничего, сынок, жить будешь, – с азартом говорил Цывкин, не подозревая о точности сказанного слова.

В травмопункт Цывкин внес Шкалика с осторожностью первородной матери. Неуклюжую помощь Важенина досадливо отвел плечом. В приёмном покое поднял невообразимый шум... Потом успокаивал слегка пришедшую в себя Анечку. На прощанье сказал Важенину:

– Ты, паря, здесь останешься? Правильно! Хвалю... Скажи, как-товарища-то кличут?

– Шкаликом, – рассеянно ответил Важенин.

– Примечательная фамилия. – уже на ходу усмехнулся Цывкин. Приобняв Анечку, он уходил по длинному коридору приемного покоя. И даже не оглянулся.

Глава XII. На исходе бабьего лета

«Проклятое то время, которое с помощью крупных злодеяний цитадель общественного благоустройства сооружает, но срамное, тысячекратно срамное то время, которое той же цели мнит достигнуть с помощью злодеяний срамных и малых» М. Салтыков-Щедрин «Медведь на воеводстве»

Село Ось захватило общественными страстями. Ой, как взяло!.. Завертело тихое болото мутным омутом, словно овцу кружальную нечистыми силами. Зашатало и зазнобило кряжистый сибирский организм неведомой лихорадкой. Из всех щелей и прогалин осинского селения полезли, точно суетливые тараканы, слухи и домыслы, поражающие здравый смысл несуразностью, а то и потешающие честной народ откровенными небылицами.

«...Паи скупают... колхоз дотла гроят! – роптали озадаченные умы на всех углах. – Под олигарха подводят...».

«Душат дальше... Видать – не додушили...».

«Говорят, американскую супертехнику в колхоз завезут и технологию дадут», – несмело воодушевлялись оптимисты. Пессимисты поддакивали: «Ага... Из коровы сливки потекут... прямо на базар».

«Жди! Последнего скота на колбасу сведут», – гневно урезонивали пятые-десятые.

Рваная паутина слухов и сплетен – бестолковые коммуникации сарафанного сельского радио – напрочь пеленала общественное здравомысленное сознание. Да и было ли оно? Откуда ему было взяться? То петух прокукарекает, то конь заржёт... Соседи между собой... собачатся, а муж жену коромыслом... информирует...

А где местная свободная пресса, праведное радио, независимое телевидение? Где власти, избранные всенародно и гласно, обещавшие в предвыборных агитациях «управлять принципиально» и «вовремя информировать»?.. Почему не разъясняют? Почему не появляются среди народа в часы «разброда и шатания»? Куда подевались партийцы, общественники, сельские авторитеты? Почему молчит праведный глас самого народа? Где, в конце концов, самое передовое общество из гармонично развитых членов, построившее в годы Застоя развитой социализм?.. Безмолвствуют. Не дают ответа. Только час от часу не легче. Словно чирей на видном месте, поселилось досадное недоумение.

Зойка Свиридова схлестнулась в остром разговоре с колхозным экономистом... с экономисткой... туды-т-твою... чего она там ещё «эконо-о—омит!»... Полиной Прорехой. Полина Никитична – женщина жаркая, церемониям не научена. А и Зойка Свиридова под масть.

Не поделили хлеб в магазине: Зойке не хватило, а Прореха последние пол-лотка забрала. Не то сухари сушить, не то свиней кормить... Ай, как Зойка разобиделась!..

– Ты, Польша, пару булок-то оставь... Не то еще вспухнешь! – съязвила языкатая сельская баба, поджимая губу.

– А и оставила бы... смотря кому. А тебе, ядовитой, не впрок будет. Вон бутылку возьми...

– Ах, ты, кобыла конторская!.. Она меня учить будет... Подавись!

– Эй, бабы-бабы, – попытался урезонить развоевавшихся особ хозяин прилавка Николай Корзинкин, – не шуметь в магазине!

– Ты сама, кошка драная, подавишься скоро! – продолжала огрызаться экономистка.

– На что это ты, блядина, намекаешь?.. На пай мой непроданный?

– ... а хотя бы...

– ... зубы коротки! Вы мне еще за солому... не рассчитались!

– За каку-таку солому?

– За прошлогоднюю!

- А ты её и не получала!
- Не получала, да... Твоих рук дело... Деньгами должны отдать!
- ...и не получишь. Научись с людьми разговаривать.
- Когда это Прорехи людьми стать успели?!
- Ах, ты... тля!
- ... сама такая!..

И «кошка драная» и «кобыла конторская» вытеснились в дверной проем торгового ларька и разошлись по сторонам, растрчивая «что осталось русской речи»...

Шкалик тяготился новой работой. Пересесть с ЮМЗ на УАЗик – подвигу подобно.

Но водительские права и навык были ещё со времен геологоразведочной экспедиции, а конфуз в пойме Моторинской балки, как ни странно, обернулся новым назначением. Что думал агроном, сажая Шкалика за руль рядом с собой, – про то нам не ведомо. Только и сказал: «При мне будешь...». И быть рядом пришлось, как проклятому. День и ночь! Без выходных и проходных. Уже на пятый день новой работы, когда внезапно не хватило пол-литра бензина и два мужика добирались домой пешком и затемно, Мужалин в сердцах сказал Шкалику:

- Не ожидал от тебя. Завтра в пять узик должен быть помыт и – под окном у меня...
- Дак... как же..., – пожал плечами Шкалик, не выражая истинного настроения.

А как-то они гнались за «Волгой», удиравшей с краденым тележечным колесом, и Шкалик проиграл гонку, побоявшись подставить свой борт черной легковушке. А днём позже возил в город бухгалтера и по неосмотрительности едва не задавил бездомную собаку... Бухгалтерша не преминула громко «приласкать» в присутствии нового председателя.

Быть на виду, соответствовать высокой должности личного водителя – не для рядового человека. Для избранного. Таковым себя Шкалик не считал и не ощущал. И каждым днем тяготился своим рабочим местом удвоенно. Но заявить о своих терзаниях он тяготился вдвойне.

Мужалин утешался в работе. И главная утеха – полевые просторы. В окоёме глаз, куда ни поверни шею, разноцветные трапеции послеуборочной геометрии сельскохозяйственных угодий: чёрные вспаханные участки среди щетинистого жнивья пшеницы, ячменя, овса; длинные прогоны кукурузных массивов, опаханные по краям, впечатляющие образом гигантских овальных «колье» на желтой витрине природных просторов... А там – нити пыльных грунтовых дорог, словно серебряные каймы, обрамляющие витражи стекол. Там – зелёно-багровые защитные полосы, будто бы аметистовые ожерелья, уложенные в черный бархат осенней пахоты.

...Сегодня он спешил на сушилку. И подгонял Шкалика, щедро браня его и за неумеренную скорость, и за дорожные рытвины, и опоздание к назначенному часу.

Придя домой, Зоя Свиридова пролила слезу – за судьбу свою горькую, за безысходность... Побежала к соседке Варьке Аркадьевой и слово в слово пересказала той и про солому, и про пай, и про другие галькины угрозы, которые слышались Зойке в пылу стычки... Посудачили бабы, распаяя друг друга, и пошли посоветоваться к подруге, Людмиле Петровне Потехиной, к рассудительной и начитанной библиотечкарше. А у Людмилы Петровны – гости! Пришли и понаехали по случаю поминок мужа, полгода как оставившего сей суетный свет... Надо же как сошлось! И уже сидя за столом и помянув покойника, как полагается, кутьёю и водочкой, Зойка, поддерживаемая Варькой, перевела разговор на свою беду. Ой, заговорили! Ой, завозмущались гости. Все вспомнили про Польшу, про Прореху-то, и про отца её, и про мать... Да и кстати... исключительно кстати... про нынешнюю колхозную «контору», то есть про правление колхозное и его прогнившее основание...

Захмелевшие гости, отягощенные поминальным обедом и удручённые содержательным разговором, попытались спеть... «ту, которую покойный любил», а не получилось... И стали разбредаться... и разъезжаться.

Зойка Свиридова вернулась домой и, затопив печь, молча и одиноко сидела у плиты, заново переживая день минувший, подспудно тревожась за день будущий... Она была уже немолодой женщиной. Не было, как и во всю жизнь, планов на будущее. Из лучших воспоминаний – тот городской мужчина... Он назвал её Заиной и, прощаясь навсегда, оставил после себя открытку с фотографическим котиком и надписью на оборотной стороне: «Ты лучшая. Я полюбил тебя.». С тех пор она и жила с чувством прерванного счастья. Пенсионное содержание, словно пособие на погребение, не допускавшее ни роскоши, ни расточительности, позволяло существовать. Она носила и в будни, и «на выход» одни и те же наряды, приобретённые в прошлой жизни для особых случаев. И была в них не более чем старомодна. На неё даже иногда засматривались. Очевидно, чтобы осмыслить эпоху.

Второй день от зари до потемок толклись имущие пайщики у кассы, парясь и томясь в толпообразной очереди, мучаясь в ажиотажном возбуждении и страхе: а вдруг денег не хватит...

– Что говорят, тетя Пана? – спрашивали Белокопытиху, с трудом продавившуюся из толпы на воздух. – На всех хватит?

– Дают... – отвечала.

Давали деньги. Живые. Наличные. Впервые за последние годы давали много. Так много, что получаемые суммы выглядели солидным капиталом, способным разом отвести долговую кабалу и согреть душу солидным остатком. «Дают – бери», – так думали многие, если не все. Их капитально подготовили к этой сомнительной финансовой операции. Этапы безнравственной подготовки, скорее уж этапы выживания: безработица, безденежье, товарообменные операции и прочие рыночные прелести эпохи «шоковой терапии». Угрожали и голодом, и нищетой, и разгулом дикого либерализма. Всего хлебнули... Всюду ощутили горечь... И впитали в кровь горячий осадок обмана и несправедливости.

А стали давать «какие-то деньги» – и снова «клюнули».

Поспешно подписав лист договора, где читаемой была только собственная фамилия, набранная крупно, а нижние убористые строчки, вероятно, предназначались для прочтения с микроскопом, счастливчик допускался к ведомости. И, получив на руки капитал, вырывался из толпы с чувством первородной радости: гуляй, рванина!

– Сколько получил-то, дядя Яша? – пытали зеваки на крыльце. И Яшка Хамушин, бывший колхозный молотобоец, что-то отвечал невпопад, трясущимися руками пытаясь свернуть и спрятать две крупные купюры в брючный карман.

– А за что деньги дают, а тётя Зина? – завидовали молодые парни, не состоявшие в списках пайщиков.

– Да за какое-то молоко... Пропади оно пропадом..., – бойко-радостно отвечала вдова Зина Савина. И, матюгнувшись, торопилась в магазин, в другую очередь.

– На бутылку-то хватит? – не теряли надежды пацаны. И довольные юмором громко гоготали.

Пайщикам было трудно оценить получаемую сумму. Особенно трудно понять здесь, у кассы, много или мало? Меньше, чем другим, или больше? Справедливо или бессовестно? Но и полученная сумма радовала их до слез. Потому и не вдавались они в мучительные раздумья: что происходит в миг подписания договора и получения денег. Все получают. Почти все...

Лишь к позднему часу второго дня выдачи очередь поредела. Деньги не кончались. Их завезли столько, сколько колхозное казначейство не видывало никогда. С гарантией! Желающие получать все еще подходили.

Были здесь и те, кто приходил и уходил... И снова возвращался: мечущиеся! Их внутренний жар сжигал зыбкий душевный покой. Они старательно убеждали себя в правильном выборе: не получать. Но тут же поджигали кострище собственного сомнения. А может быть, поступить как все? Спалить мосты? Раз и навсегда покончить с беспокойством? И – не могли

решиться. Были и такие, кто, получив деньги на руки, стоял в толпе, заняв очередь, чтобы вернуть сумму, которая теперь казалась просто смехотворной в сравнении с суммой кума или свата...

Интерес к акции упал и у зевак. А горячие разговоры, стычки, нервные вспышки, сопровождавшие гнусный процесс скупки имущественных паев бывшего осинского колхоза, умиротворив страсти, будто бы успокоились, улеглись в подступающий сумрак и укрылись тонкой, терпкой пылью, поднятой вернувшимся с пастбища скотским стадом.

А что сотворилось-то здесь!.. Что содеялось?

Залётные рейдеры – финансовые дельцы, промышленяющие на полумёртвом теле совхозов и колхозов, скупали имущественные паи владельцев сельхозартели «Искра». Веселое рейдерское дело! Азарт от эффекта многопроцентной чистой прибыли, психологическая игра с потенциальными жертвами, не способными к реальной самооценке события, веселил их денно и нощно.

Борзая тройка – юрист, финансист и судимый директор – знала своё дело как следует. За этой тройкой, залётной из соседней автономии – из-за границы! – протянулся сиреневый шлейф финансовых афер. Они, «оживляя экономику» полутора десятков окрестных колхозов, свернули им головы; обанкротили и присвоили активы. Юрист «обстрипывал» сравнительно-честное сопровождение махинаций. Финансист обеспечивал залоговое банковское кредитование под активы всё тех же колхозов и совхозов, не получивших еще юридический статус банкротов. Директор – не то уголовный авторитет, не то масон из ложи «Настоящее бывших» – скорее играл многоплановые повседневные роли, нежели что-либо контролировал. Ах да, теневые, но не менее уголовные подельники обеспечивали главный базис финансовой рейдерской аферы: заметание следов преступления. Председатель Самоваров и главбух Магомедов свое дело знали.

Ворованный капитал, «отмытый» в сомнительно-«чистых» механизмах легализации, позволил им в купе с другими подобными капиталами учредить фирму с полумиллиардным уставным капиталом. Деньги – товар – деньги!.. Золотое колесо рыночного парохода, лопатающее взбаламученную воду человеческих страстей. Эх, прокачу!

Они занялись разбоем спозаранок.

Посадили на кассу «высокооплачиваемую операторшу» Полину Прореху. Замкнули её с полуторамиллионным кредитным капиталом. Предварительно еще семь раз «вдолбили» неукоснительные инструкции: вежливость, корректность, необратимость процедуры. Другими словами, она должна была выкупить у пайщиков их имущественный пай по его номинальной стоимости, обозначенной в бланке договора. Вечером второго дня сдать бумаги и отчитаться по остатку. Оплата – по договоренности!

Ожидая результаты торгов, рейдеры отдыхали.

За наблюдателя остался Борис Цывкин. Водитель по профессии и имиджу. Человек молодой, невзрачный, но... наблюдательный.

– Ты, Цывкин, не за доярками досматривай, а за порядком... в танковых частях. Понял? Умонастроения улавливай. Горячие моменты... гаси.

– Да не впервой... Кстати, чем гасить-то, Иваныч? Может пивом? – тонко намекал Цывкин.

– С пива... криво... В случае чего – найдешь нас в Доме Рыбака, а в шестом часу подъезжай: у меня встреча с механизаторами., – и укатили, прихватив с собой председателя Самоварова.

Активы «Искры», бывшего колхоза-миллионера, обветшавшие за прошлые лихие времена материально и физически, всё ещё поражали воображение. За ними реально виделись стада мясомолочного скота и подрастающего молодняка, парки сельскохозяйственной и транспортной техники, квадратные метры жилой и производственной площадей, объекты социаль-

ного и культурного назначения. Не вырезанные, не заржавленные, не обрушенные – балансовые. С многими нолями после натуральных чисел. И почти бесхозные! Пайщики не в счёт. Пайщики – почти никто, неорганизованное сообщество, лишённое воли и устава. И Правление – ничто. Купленные подельники – от председателя СХА и его «вротглядящего» бухгалтера и безликих соправленцев, давно уже нелегитимных перед законом и совестью, – полностью нейтрализованы. А прокурор, местная, тоже нейтрализованная власть района и села – служилые люди. И у них есть свои человеческие слабости...

Как видим, у «ловкопроходимых» рейдеров и в Доме Рыбака была работа. Оставим их здесь на день-другой с их корпоративными проблемами, мало интересующими нас.

Николай Санников не продал свой пай. И других подговаривал. Только мало у него было сообщников. Их договорные бланки, подписанные «в одностороннем порядке», пролежали холостыми пару бурных дней, пай остались не проданными по одному и тому же мотиву: мало дают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.